

ДАРЬЯ ДРОЗДОВА*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ**

КАЗУС АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА

Получено: 27.01.2022. Рецензировано: 08.02.2022. Принято: 17.02.2022.

Аннотация: Данная работа представляет собой первую часть исследования, посвященного становлению и трансформации канонического изложения истории философии Нового времени в русскоязычной философской литературе. Начиная с последних десятилетий XIX века в европейских и американских учебниках по истории философии окончательно фиксируется канон новoeвропейской философии, который представлен нарративом о противостоянии двух главных эпистемологических традиций Нового времени: рационализма (в лице Декарта, Спинозы и Лейбница) и эмпиризма (в лице Локка, Беркли и Юма). Однако такое изложение истории новoeвропейской философии возникает в противоборстве разных традиций (кантианской, гегельянской, позитивистской и пр.), каждая из которых предлагала свои схемы классификации и упорядочивания философских систем Нового времени. Отражение этой борьбы можно найти в появляющейся в XIX веке русскоязычной учебной литературе по истории философии. Поэтому задача данного исследования — рассмотреть и проанализировать образы философии Раннего Нового времени в русскоязычной учебной литературе первой половины XIX века, чтобы выявить основные тенденции в формировании канона новoeвропейской философии как с точки зрения его главных представителей, так и с точки зрения нарратива, который описывает динамику развития философской мысли XV–XVII веков. В центре рассмотрения данной статьи находится многотомная «История философии» (1839–40) архимандрита Гавриила (Воскресенского), которая оказывается проводником французского влияния на российскую традицию историографии философии. В работе показано, что архимандрит Гавриил заимствует основную канву своего повествования из учебника по истории философии Селестина Иппо, который, в свою очередь, опирается на схематизацию историко-философского процесса, предложенную Виктором Кузеном.

Ключевые слова: история философии Раннего Нового времени, историко-философский нарратив, канон истории философии, архимандрит Гавриил (Воскресенский), Виктор Кузен.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-151-183.

* Дроздова Дарья Николаевна, к. филос. н., доцент Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ (Москва), ddrozdova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-5069-3368.

** © Дроздова, Д. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта ФГН НИУ ВШЭ «Фронтиры гуманитарного знания в XXI веке».

КАНОН И КЛАССИКИ

Дискуссии о каноне гуманитарных наук ведутся уже не одно десятилетие. Изначально они возникли в контексте американских дебатов о содержании университетского образования, когда представители критической теории, расовых и гендерных исследований настаивали на том, что изучение в университетах работ «мертвых белых мужчин» только способствует закреплению структур замалчивания и насилия, которые систематически выдавливают из сферы производства культуры представителей национальных меньшинств, женщин и любых других антропологически «инаковых» (Casement, 1996; Гронас, 2001). Сейчас акценты сместились: после десятилетий критики теоретических оснований формирования образа «великого прошлого» пришло время для практических трансформаций нашего способа говорить о значимых для нас исторических образцах. Это требование затрагивает не только литературоведение, но и все прочие гуманитарные дисциплины, изучение которых связано с освоением большого количества классических текстов, служащих для современного исследователя необходимой точкой отсчета и резервуаром концептуальных решений. В области истории философии пересмотр канона проявляется во многочисленных инициативах, связанных с поиском «новых нарративов»¹, с созданием новых антологий текстов, которые включают авторов, ранее считавшихся маргинальными (см. *Early Modern Philosophy. An Anthology*, 2021), с разработкой новых образовательных программ, в которых на первый план выходят «неканонические» авторы². Все это показывает, что обсуждение природы канона в разных гуманитарных дисциплинах — и в истории философии в частности — все еще актуально³.

¹См., к примеру, международный проект *New Narratives in the History of Philosophy* (<http://www.newnarrativesinphilosophy.net/>), конференцию *Rethinking the Narratives of Early Modern Philosophy* (Копенгаген, 2022). Большую часть «новых нарративов» составляют инициативы, продвигающие женские фигуры в истории мысли: международный проект *History of Women Philosophers and Scientists* (<https://historyofwomenphilosophers.org>), проект *Vox* университета Дюка (<https://projectvox.library.duke.edu>) и др.

²См. научно-исследовательский семинар для студентов ОП «Философия» НИУ ВШЭ «Неканонические авторы и тексты в истории философии» (<http://me.hse.ru/noncanonical-philosophy/>).

³Вопрос о расширении канона европейской философии активно обсуждался, в частности, в 2016–2017 годах в блогах и на конференциях Американской философской ассоциации (Sharigo, 2016; Adamson, 2016; Lenz, 2018; Phillips, 2018). Из этой дискуссии родилось некоторое количество инициатив, обозначенных выше.

В контексте дискуссий о практической трансформации канона истории философии становится значимым вопрос о том, какие существуют альтернативные формы нарратива об истории философии и как существующий канон может быть изменен. И хотя само стремление к изменению канона направлено по своей сути в будущее, полезным может оказаться обращение к прошлому, поскольку изучение истории формирования текущего канона позволяет нам увидеть, как иным образом может быть проведена селекция материала и какой нарратив может ее сопровождать. Таким образом, в рамках данного исследовательского проекта мы ставим своей задачей проследить историю формирования канона истории европейской философии — в первую очередь истории философской мысли Раннего Нового времени, — а также выявить связь между списком канонических авторов и типом историко-философского нарратива, который его обрамляет.

Поскольку в этой работе центральным понятием выступает «канон», то нам следует для начала прояснить связанные с ним смыслы. Распространенное представление о каноне уподобляет его некоторому списку самых выдающихся авторов («классиков») и их творений. Гарольд Блум в своей знаменитой книге «Западный канон» связывает проблему канона с вопросом «за какие книги [...] следует браться человеку, все еще желающему читать», если учесть, что время человеческой жизни ограничено и читатель должен выбирать книги, которые обладают определенной ценностью и которые имеет смысл перечитывать (Блум, Харитонов, 2017: 25, 43). Михаил Гронас также указывает, что дискуссии о каноне порождены вопросом о содержании традиционных курсов американских университетов «Great Books», в рамках которых студентов знакомят со списком «самых великих шедевров» Западной цивилизации (Гронас, 2001).

При этом большинство авторов отмечает не только эту тесную связь споров о каноне с содержанием учебных программ американских университетов 1960–80-х годов, но и религиозную подоплеку самого термина «канон», который изначально используется в церковной среде для обозначения зафиксированного набора сакральных текстов, лежащих в основании религиозного учения (к примеру, канон Ветхого и Нового завета). В связи с этим социолог Питер Баэр, автор книги «Основатели, классики, каноны», выступает с критикой использования термина «канон» в академических дискуссиях. С его точки зрения, при разговоре об основополагающих авторах и текстах некоторой дисциплины — в его

случае социологии — уместнее говорить о «классиках», а не о «каноне» (Baehr, 2002: 149):

Термин «канон» не имеет особой социологической значимости, если его употреблять по отношению к секулярным классическим текстам. Хотя какой-то минимальный смысл из нынешнего употребления и можно извлечь, этот термин лишь способствует продвижению карикатурного образа политических расхождений об академических классиках и ошибочно предполагает, что секулярные классики и религиозные каноны обладают по сути схожими свойствами.

Тезис П. Баэра был подхвачен и развит в работах И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, однако они указывают и на другую причину, почему в дискуссиях о научном и интеллектуальном наследии предпочтительней говорить о «классиках», а не о «каноне»: канон предполагает «задание образцов и их рецепцию, интерпретацию и воспроизводство» (Классика и классики..., 2009: 7), поэтому канон в большей степени употребим по отношению к искусству, которое предполагает подражательность, а не к научным дисциплинам, включая социальные и гуманитарные (там же: 11).

Эти попытки ввести некоторый терминологический порядок в дискуссии о каноне разбиваются, как кажется, о конкретные способы текущего словоупотребления, когда либо «канон» и «классики» являются взаимозаменяемыми понятиями, либо «канон» понимается как «список классиков». Даже в тех статьях, которые были опубликованы в коллективной монографии «Классика и классики в социальном и гуманитарном знании» под ред. И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, предисловие к которой я только что цитировала, «канон» упоминается очень часто наряду с «классиками»: говорится о классиках, которые не находят себе места в каноне (Вахштайн, 2009: 64), о «каноне социально-психоаналитической классики» (там же: 72), о каноне, в который входят классики (Филиппов, 2009: 201), даже о классическом каноне (Зенкин, 2009: 281). Другим замечательным примером произвольности этого различения могут служить тексты А. Ф. Филиппова и М. Куша, которые посвящены одному автору — Георгу Зиммелю. Если А. Ф. Филиппов обсуждает вопрос о статусе Г. Зиммеля как «классика социологии» (Филиппов, 2009), то М. Куш ставит вопрос о том, почему Зиммель не стал частью «философского канона» (Kusch, 2018), хотя и в том, и в другом случае в центре внимания находится один и тот же вопрос об академическом признании.

Вполне возможно, что в употреблении той или иной терминологии («классики» или «канон») имеет значение и выбор дисциплины: если для социолога привычнее говорить про «классиков», то в истории философии больше распространено обсуждение «канона»⁴. Таким образом, в нашем дальнейшем рассуждении мы отдадим предпочтение термину «канон» и будем в первую очередь говорить о «каноне» по отношению к философии и ее истории. Дискуссии о литературном каноне или каноне в истории социологии часто затрагивают те же проблемы и дают схожие решения, но в этих областях присутствует и своя специфика.

В первую очередь мы попытаемся выделить ряд содержаний, связанных с понятием «канон» в истории философии. Первое, что следует отметить: материальной составляющей канона несомненно являются исторические *авторы* и их *тексты*, то есть те самые «классики». Таким образом, канон может быть представлен как список классиков и классических текстов. При этом канон всегда селективен не только по отношению к авторам, но и по отношению к их произведениям. Так, «канонический Бэкон» является Бэконом «Нового Органона», но не Бэконом «Истории Генриха VII» или ранних натурфилософских работ. А Макиавелли, который присутствует в учебниках, — это в первую очередь автор «Государя», а не «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия».

Кроме этого, нужно включить в понятие канона и его формальную сторону, то есть *нарратив*. Со времен Ричарда Рорти этот специфический нарратив, который задает канон, то есть определяет важность и значение каждого отдельного автора и отдельного произведения в историческом развитии философии, тоже определенным образом понятой, идентифицируется с историографическим жанром *Geistesgeschichte* (Rorty, 1984: 61):

Geisteshistoriker определяет место философа [...]....Он делает это, подбирая состав исторических персонажей и драматический нарратив, который показывает, как мы пришли к тем вопросам, которые сейчас мы рассматриваем как неизбежные и глубокие. И там, где эти персонажи оставили после себя сочинения, они образуют канон, то есть обязательный список для чтения, через который человек должен пройти, чтобы оправдать то, чем он является [in order to justify being what one is].

В приведенной цитате появляется еще один важный компонент канона — *обязательность*. Канон — это не просто список великих авторов

⁴Но не исключительно — см. недавнюю коллективную монографию под ред. Эрика Шлиссера: *Ten Neglected Classics of Philosophy*, 2017.

и великих произведений, значимость и важность которых подтверждается некоторым нарративом о ключевых этапах развития мысли. Знакомство с канонem — и это в первую очередь относится к канону философских текстов — носит формирующий характер. Канон в буквальном смысле предлагает нам образ (*das Bild*) или пример наиболее образцовой (*vorbildlich*) реализации некоторой практики (например, философского вопрошания), познание и освоение которой играет решающую роль в образовании и формировании (*die Bildung*) нас как наследников этой практики — в частности, философствования. В этом отношении, несомненно, можно говорить о каноне как об образце для подражания и воспроизведения (Классика и классики..., 2009: 7). Канон в этом смысле глубоко родственен куновским парадигмам (если их понимать как принятые научным сообществом образцы, которые задают эпистемические и концептуальные возможности и границы дисциплины). Но если в научных дисциплинах те тексты, которые изначально парадигму задают, сами по себе изучению не подлежат, поскольку заменены более современными изложениями (ни один физик не изучает теорию относительности по оригинальным текстам Эйнштейна), то в философии именно соприкосновение с каноническими произведениями носит формирующий характер, поскольку через изучение великих образцов мы постигаем, что такое философский вопрос, как выглядит философский анализ и как выстраивается философская аргументация.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что естественное место, где канон философии обретается и может быть обнаружен, — это система образования. Это дает дополнительное объяснение тому пристальному вниманию, которое при обсуждении канона уделяется учебникам и образовательным программам: в этом контексте понятия «великий», «канонический» и «обязательный к изучению» становятся практически идентичными. Профессиональный историк философии может позволить себе заниматься второстепенными и маргинальными персонажами, даже писать о них обширные статьи и монографии, но в студенческие аудитории попадают те, про кого мы, как сообщество, думаем, что эти имена обязан знать каждый.

На основании этой связи канона и образования мы будем полагать, что тем, кто берет на себя право наделять авторов и тексты статусом «канонических», является автор некоторого текста, который выполняет в образовательной системе функцию учебника. Это определяет базовую методологическую установку нашего подхода: мы реконструируем

трансформации и особенности канона европейской философии, обращаясь к структуре и содержанию учебников и компендиумов по истории философии, которые были в ходу в разные эпохи в разных национальных контекстах. Такая оптика связана в первую очередь с потребностью разрешить вопрос о том, как выглядел «канон» раньше и насколько постоянным и неизменным он был. Поскольку само обсуждение «канона» имеет достаточно недавнюю историю, в литературе столетней или двухсотлетней давности мы не встретим попыток различить или выявить «каноническое» и «неканоническое». Чтобы понять, что в этом не столь отдаленном прошлом принималось за то, что нами сейчас обозначается как «канон», нам требуется установить, в какой форме и где он может быть обнаружен. И, как было сказано выше, одним из самых естественных мест его обнаружения является учебная литература, которая предлагает некоторый набор авторов как обязательный к изучению. Чем более постоянным будет этот набор имен при переходе от учебника к учебнику, тем более высокий уровень «каноничности» можно будет ему приписать.

Такой подход к изучению канона, само собой, не является единственно возможным. Трансформации канона можно изучать через динамику научных публикаций, появление новых переводов и критических изданий, тематику защищаемых диссертаций. Полноценное исследование того, как те или иные авторы выходят на первый план или предаются забвению, несомненно, должно иметь комплексный характер, учитывать «философскую моду» и ключевые дискуссии в академической прессе. Однако фокус на учебной литературе позволяет зафиксировать результат этого процесса: учебник, будучи одной из самых консервативных форм академической литературы, вбирает в себя некоторое изменение моды только тогда, когда оно уже стало достаточно значимым и постоянным, чтобы считаться частью традиции. Поэтому изучение истории фиксации канона в большей степени может опираться на те тексты, которые олицетворяют традицию, нежели на те, которые ее формируют.

КАНОН РАННЕНОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В упомянутом ранее докладе Мартин Куш предлагает следующее очень формальное определение канона (Kusch, 2018):

Множество S_1 произведений или авторов за период времени T_1 является каноном для множества людей S_2 в течение периода времени T_2 тогда и только

тогда, когда люди S_2 в период времени T_2 считают авторов и произведения S_1 окончательно признанными выдающимися.

Мы не будем сейчас останавливаться на детальном разборе этого определения, но отметим важный для нас момент: канон имеет двойную привязку ко времени. Во-первых, сам канон (то есть список произведений и авторов) относится к какому-то определенному периоду времени. Во-вторых, его признание тоже имеет временную длительность. Поэтому сейчас нашей задачей будет как определить временные границы того философского канона, который является предметом нашего рассмотрения, так и обозначить исторический период его рецепции.

В рассказах про историю европейской философии легко обнаружить, что концентрация «великих философов» распределяется по историческому времени очень неравномерно. Есть периоды, когда мы затрудняемся назвать даже одного-двух авторов, которые могли бы быть признаны философами, а есть моменты, когда за 50–100 лет целая плеяда мыслителей может быть названа великими. Один из таких периодов — начало новой философии, которое приходится на XVII – первую половину XVIII века, когда творили Декарт, Лейбниц, Спиноза, Локк и многие другие величайшие умы европейской философии.

Историко-философское повествование, относящееся к этому периоду, может быть описано в терминах «жесткого канона» и «сильного нарратива». Здесь и далее термином «канон» я буду обозначать только список авторов, которые в рамках изложений истории философии считаются наиболее значимыми и достойными изучения (то есть список «классиков»). Под «нарративом» же я буду понимать повествование, которое осмысляет, объединяет и классифицирует авторов и их идеи в качестве моментов каким-то образом осуществляемого процесса исторического развития философской мысли. Термином «жесткий канон» я обозначу список авторов, считающихся каноническими практически при любом типе историко-философского нарратива. Кажется, что список наиболее выдающихся философов должен в полной мере определяться *geistesgeschichtliche* нарративом, который осмысляет направление развития философской мысли некоторой эпохи и определяет место того или иного автора в рамках этой мысли. Однако легко можно обнаружить, что это не так. Например, убеждение в том, что величайшими философами античности являются Платон и Аристотель, мало зависит от того, придерживаемся ли мы позитивистских, гегельянских позиций или практикуем интеллектуальную историю. Платон и Аристотель

составляют в этом отношении «жесткий канон», поскольку они представляют собой неизменную данность, которую любой нарратив истории философии должен тем или иным образом осмыслить и принять в себя. «Мягкий канон», напротив, гораздо в большей степени зависит от той повествовательной оптики, которую мы выбираем, в нем наблюдаются значительные вариации, которые будут зависеть от национальных традиций, от предпочтений автора учебника и от общих задач и логики построения историко-философского повествования.

В той же мере, в какой «жесткий канон» проявляет себя в виде регулярно и часто воспроизводимых упоминаний одних и тех же «знаменитых философов» и их идей, «сильный нарратив» будет проявлять себя как устойчиво воспроизводимый рассказ о том, какие наиболее важные философские проблемы ставились и решались этими авторами. По сути, это наиболее закрепившийся в сознании сообщества рассказ о динамике развития философии в истории и ее основных формах и дискуссиях. Это хорошо иллюстрируется на примере канона истории философии Раннего Нового времени. Каких бы воззрений на философию мы ни придерживались, нам сложно представить себе, что изложение основных философских проблем того времени не будет отсылать к противостоянию рационализма и эмпиризма, которое будет позднее преодолено в критической философии Канта.

Однако и довольно устоявшийся список классиков новоевропейской философии, и стандартный нарратив об их интеллектуальном противоборстве имеют свою историю, причем довольно недолгую. Еще в 1984 году историк американской философии Брюс Куклик задался вопросом о том, каким образом семь классических фигур европейской философии — Декарт, Лейбниц, Спиноза, Локк, Беркли, Юм и Кант⁵ — заняли свое место в историко-философском нарративе (Kuklick, 1984)⁶. Рассматривая американскую рецепцию истории европейской философии, Куклик показывает, что в ней изначально центральное место отводилось Локку как самому «американскому» из европейских философов. Что касается остальных героев новоевропейского канона, то их списки претерпевали существенные изменения на протяжении XVIII–XIX веков. До

⁵В этот список следует добавить еще Бэкона, но стандартный нарратив — о нем ниже — рассматривает в качестве канонических именно эти фигуры.

⁶Работа вышла в том же сборнике, в котором был впервые опубликован текст Р. Рорти о четырех жанрах историографии.

середины XIX века в американской литературе особое внимание уделялось Томасу Риду и его шотландским последователям Дугалду Стюарту и Уильяму Гамильтону. Однако в середине XIX века философия Гамильтона была подвергнута суровой критике со стороны Дж. С. Милля и главными представителями новоевропейской философии стали Локк, Юм и Кант. Декарт-рационалист был добавлен в канон в качестве олицетворения того, что в новой философии было ошибочным и нуждалось в преодолении со стороны Локка и Канта. Беркли был внедрен британскими идеалистами, которые видели в нем предшественника их гегельянских доктрин. А появление Спинозы и Лейбница связано с философскими концепциями Ройса, Джеймса и Дьюи, для которых их учения были удачным историческим воплощением монизма и плюрализма.

История, изложенная Кукликом, наглядно показывает, что закрепление в каноне даже тех авторов, которых мы сейчас без всякого сомнения считаем главными мыслителями той эпохи, может зависеть от целого ряда контингентных факторов. Среди них Куклик указывает роль идеологии (приверженность идеализму или сенсуализму), поиск предшественников или оппонентов и даже интеллектуальную моду (Kuklick, 1984: 136). Не в меньшей степени исторически относительными являются и историко-философские принципы, которые определяют философскую значимость того или иного мыслителя, а также выявляют основные философские полемики, составляющие суть рассматриваемой эпохи.

Стандартный нарратив, повествующий о развитии философской мысли XVII века, осмысляет его в терминах борьбы двух основных эпистемологических позиций — рационализма и эмпиризма (см., к примеру: Соколов, 1984: 6; История философии, 2005: 265). Возникновение стандартного нарратива происходит в XIX в. в рамках формирования немецкой посткантовской традиции историографии философии (Vanzo, 2016). В этой традиции формируется и канонический список великих философов XVII века, которые эти эпистемологические позиции воплощают: со стороны рационализма это Декарт, Спиноза, Лейбниц (DSL), со стороны эмпиризма — Локк, Беркли и Юм (LBH). Это историческое противостояние преодолевается в Канте, который выступает поворотной точкой европейской истории философии и прокладывает дорогу последующим представителям немецкой классической философии.

Как показывает Альберто Ванцо, первыми экспонентами такой исторической схематизации являются кантианцы Буле и Теннеманн, а позднее этот нарратив распространяется благодаря популярным учебникам Куно Фишера, Ибервега, Фалькенберга и Виндельбанда. Однако нельзя

сказать, что интерпретация становления новоевропейской философии в терминах противостояния рационализма и эмпиризма сразу стала доминирующей. На протяжении всего XIX века существовали альтернативные способы представить эту историю. Так, трактовка гегельянцев (к примеру, Швеглера) выводила на первый план не эпистемологическую, а онтологическую проблематику, выстраивая нарратив вокруг противопоставления реализма (материализма) и идеализма. Позитивистски настроенные философы искали в истории философии свидетельства триумфального укрепления научного метода и экспериментальной философии. Французская школа Виктора Кузена описывала историю философии как последовательную и возобновляющуюся смену четырех возможных форм философии: идеализма, сенсуализма, скептицизма и мистицизма, — причем в их представлении Декарт и Беркли оба относились к идеалистам, Бэкон и Локк — к сенсуалистам, а Юм — к скептикам (Vanzo, 2016: 256–257).

Поскольку основные процессы фиксации стандартного нарратива и канонического списка великих философов XVII века происходят на протяжении всего XIX века, особый интерес в этом контексте представляет обращение к зарождающейся в то же время российской традиции историографии философии. В качестве учебной дисциплины история философии появляется в российских духовных академиях со второй половины XVIII века (см. Куценко, 2005; Посохова, 2010), а в гражданских университетах и лицеях — с начала XIX века (см. Ганиянц, 1996; Каменский, 2001; Пустарнаков, 2003). При этом, как отмечает З. А. Каменский, уже с самого начала XIX века в России появляется и рефлексия о природе истории философии, целях и задачах историографического описания. Хотя зарождающаяся дисциплина находится во многом под влиянием западных образцов этого жанра, однако отсутствие единого канонического изложения истории философии даже в западной литературе делает случай ранней российской историографии философии особенно интересным, поскольку в нем находит отражение борьба разных риторических подходов к описанию истории философии. Выбор образцов и ориентиров, который осуществляют отечественные историки философии, дает нам представление о влиянии тех или иных европейских философских концепций на российскую академическую культуру, а также об относительной значимости и воздействии тех или иных идеологических европейских тенденций.

С 60-х годов XIX в. происходит достаточно бурное развитие философского образования в России, в том числе включение курсов по

истории философии в kurikulum российских высших учебных заведений (см. Пустарнаков, 2003; Шпет, 2008). В это время появляются как многочисленные переводы западных учебников по истории философии (К. Фишер, А. Шwegлер, Дж. Г. Льюис, Ф. Ибервег, В. Виндельбанд и др.), так и публикации учебников и записей лекций русскоязычных авторов (М. Троицкий, М. Владиславлев, М. Соколов, М. Каринский, Н. Страхов, А. Введенский и др.). Анализ этого массива публикаций является частью нашего текущего проекта, но в данной работе хотелось бы остановиться на образцах более ранней эпохи, первой половины XIX века, в которых построение рассказа о возрождении философии в Новое время еще может отходить от стандартного нарратива о противостоянии рационализма и эмпиризма.

Согласно авторитетному мнению З. А. Каменского, становление отечественной историографии философии происходит под преимущественным влиянием немецких образцов, а среди российских философов и историков философии можно различать шеллингианцев, гегельянцев и в меньшей мере позитивистов. В этой работе мы намерены показать, что еще одной традицией, значимой для российской историографии философии XIX века, следует считать французскую историографию в лице Дежерандо и Кузена. Именно подход Кузена к истории философии, как мы покажем ниже, был анонимным образом представлен в таком значимом тексте, как 6-томная «История философии» архимандрита Гавриила (Воскресенского).

Методологическим ориентиром для данного проекта служит серия публикаций наших коллег М. Демина и А. Куприянова (Демин, 2015; Демин, Куприянов, 2020; Demin, Koprjanov, 2018), в которых изучение формирования и изменения канона производится через подсчет относительной частоты упоминания авторов в учебной литературе по истории философии на основании анализа содержания этих учебников. Этот метод позволяет делать достаточно обоснованные выводы при опоре на большой массив литературы. В наши планы входит перенос этого метода на анализ русскоязычных учебников и комpendиумов XIX–XX вв., однако малый объем источников, относящихся к первой половине XIX в., не позволяет сделать это в полной мере. Поэтому мы будем использовать комбинированный подход, когда анализ структуры и тематического содержания текста сопровождается рассмотрением ключевых элементов исторической схематизации, которые служат для автора средством построения историко-философского нарратива.

Поскольку нашей задачей является выявить тенденции, способствующие становлению канонического рассказа о философии Нового времени, то мы будем в первую очередь обращать внимание на следующие моменты:

- ◇ как проводилось разграничение между периодами, которые сейчас мы относим к «истории философии Возрождения» и «истории философии Нового времени»;
- ◇ какие авторы упоминались среди значимых фигур XVI–XVII вв. и в предшествующий период;
- ◇ какие основные разделения на школы и течения использовались и что являлось основой производимой классификации.

На примерах русскоязычной учебной литературы по истории философии первой половины XIX века мы хотим показать, что уже на первых этапах возникновения самостоятельной историографии ранненовоевропейской философии в России список «канонических авторов» был довольно устойчивым и включал в себя практически всех мыслителей, которые потом становятся героями «стандартного нарратива». Однако сам нарратив и историографические принципы его построения не были фиксированы. Его вариации отражают влияние разнообразных европейских историографических традиций, среди которых французская историография философии, разработанная В. Кузеном, имеет большое значение.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В 1820–40 ГГ.

В истории появления русскоязычных учебных текстов по истории философии есть довольно четкий водораздел, который приходится на 1860-е годы. С этого момента наблюдается значительное увеличение количества как русскоязычных переводов иностранных учебников по истории философии, так и оригинальных публикаций. Это связано, несомненно, с тем, что как сама философия, так и история философии после многих лет гонений и запретов наконец обретает признание как университетская дисциплина. В первой же половине XIX века число русскоязычных изложений истории философии было довольно невелико. Если исключить из этого списка те, которые были посвящены только древней философии, то, по сути, наше рассмотрение может быть ограничено всего четырьмя изданиями: А. Галича (1818–1819), И. Давыдова (1820), Ф. Надежина (1837) и архимандрита Гавриила Воскресенского (1839–1840).

Работа Александра Галича «История философских систем, по иностранным руководствам составленная» является практически первым систематическим изложением истории философии на русском языке. Хотя сам Галич был приверженцем учения Шеллинга (см. Каменский, 1995), его история философии опиралась на предыдущие труды кантрианца Зохера и шеллингианца Аста (Галич, 1818: 5; см. также Ганианц, 1996: 137). История философских систем была изложена Галичем в двух книгах. Первая книга посвящена древней и средневековой философии, последний раздел этого тома описывает в невероятно сжатом и схематичном виде, всего на 40 страницах, историю мысли периода «восстановления наук». По сути, это изложение представляет собой просто перечисление имен, которые сгруппированы по направлениям: филологи⁷, платоники⁸, каббалисты⁹, новоаристотелики¹⁰, мистики¹¹, антисхоластики¹², восстановители древних систем стоиков и скептиков¹³, «комбинисты», которые, «увлеченные таинственным побуждением к лучшему, покушались проложить себе новые пути»¹⁴ (Галич, 1818: 306), богомудры¹⁵ и политики¹⁶. Среди всего этого нагромождения направлений и имен только Джордано Бруно был удостоен чуть более детального и отдельного рассмотрения: «Как умолчать о дивном воздушном явлении, которое так ярко и грозно озаряло редующий мрак XVI столетия?» (там же: 316)

Такая классификация философов эпохи «восстановления наук» содер­жательно близка к описанию этого периода в классическом труде Иоганна Якоба Бруккера «*Historia critica philosophiae*» (1742–1744), который был в ходу в русских духовных школах и академиях вплоть до середины XIX в. Однако в отличие от Бруккера, который посвящает

⁷Петрарка, Бокаччо, Хризолор, Полициано, «Германн Варвар», Франциск Филельф, Аргирополо, Варлаам, Леон Пилат.

⁸Плетон, Бессарион, Фичино, но также более поздние Р. Кедворт, Г. Мор.

⁹Пико делла Мирандола, Рейхлин, Франческо Джорджи Венецианский, Агриппа Неттесгеймский, Херера.

¹⁰Федор Газа, Геннадий Схоларий, Георгий Трапезундский, Сепульведа, Забарелла, Помпонаци, Нифо.

¹¹В первую очередь средневековые: св. Бернар, Ричард Сент-Викторский, Бонавентура, но также Таулер, Фома Кемпийский.

¹²Агрикола, Валла, Якоб Фабер (Жак Лефевр д'Этапль), Себастиан Бассо, Вивес, Рамо, Патрици.

¹³Юст Липсий, Монтень, Шарон, Санчес, Гассендий, де Беригар, Магнет.

¹⁴Кузанский, Кардано, Телезио, Бруно, Ваннини, Кампанелла.

¹⁵Парацельс, Беме, Фладд, Пордейдж, Я. А. Коменский.

¹⁶Макиавелли, Боден.

довольно обширный раздел схоластической философии и обновленному перипатетизму, Галич умалчивает о схоластической мысли XIV–XVI в. Также в отличие от Бруккера Галич отделяет Бруно, Кардано и Кампанеллу от следующего периода новой философии и объединяет их с Николаем Кузанским, Телезио и Ванيني, трактуя их как новаторов.

Что же касается истории новой философии, представленной во втором томе, то ее началом Галич называет Декарта (Бэкон упоминается лишь вскользь), а дальнейшее ее развитие описывает через достаточно оригинальную классификацию, поскольку он полагает, что полное и упорядоченное изложение требует деления философских систем XVII–XVIII вв. на физические, метафизические и нравственные. Физические системы самые немногочисленные, они включают в себя атомистическую (Гассенди), декартовскую, ньютоновскую, лейбницианскую и вольфовскую. Более значительный список охватывает метафизические системы. В них больше места отводится тем, кто реагирует на вызовы, сформулированные Декартом. Основные авторы, чьи системы анализирует Галич, — Мальбранш, Беркли, Спиноза, снова Лейбниц, Вольф и последователи (Крузий, Чирнгауз, Томазий), также Локк и последующие сенсуалисты и материалисты, Юм и скептики. В целом Галич особо выделяет в истории новой философии Декарта, Спинозу, Лейбница и Локка. Что же касается основных движущих идей истории философии, то противопоставление опытного и умозрительного познания Галичем используется, но не возводится в принцип: Галич явно симпатизирует умозрительной метафизике и с недоверием относится к эмпиризму и материализму.

Профессор Московского университета И. И. Давыдов публикует свой «Опыт руководства к истории философии» (Давыдов, 1820) примерно в те же годы, что и А. Галич. По сути, текст Давыдова представляет собой чрезвычайное сжатое 126-страничное изложение трех томов «Histoire comparée des systèmes de philosophie» Дежерандо, где первые 40 страниц содержат пояснения о природе философии, ее развитии и периодизации ее истории, а обзор новых систем от Декарта до Канта занимает всего 20 страниц. Переходный период от средних веков к Новому времени лишь кратко упоминается (там же: 103). Главными новаторами XVII века объявляются Бэкон, Декарт и Лейбниц (там же: 105; см. Degerando, 1804: 284–285). Далее Давыдов кратко останавливается на Локке (который раскрывает систему Бэкона), Гоббсе (который ограничил теорию Локка одной чувственностью — sic!), Лейбнице, Беркли и Юме. Споры между ними породили в Англии философию Рида, а в Германии — Канта. Далее Давыдов кратко описывает последующее

развитие философии в разных странах. В Англии существуют четыре направления, берущие начало от Беркли, Юма, Рида или Гартли. Среди французов достойны упоминания Дюмарсе и Кондильяк. В Германии философия разделена на последователей учения Лейбница и учения Канта. В целом, во многом следуя Дежерандо, Давыдов особо выделяет опытную философию Бэкона, получившую дальнейшее развитие в учении Локка, французских сенсуалистов, британских моралистов и др. Помимо эмпиризма Бэкона, в философии значимы идеалистические системы Декарта и Лейбница, все же остальные системы новейшей философии могут быть сведены к этим трем (Давыдов, 1820: 112).

Еще одним кратким текстом является «Изложение истории философии по Рейнгольду» Федора Надежина (Надежин, 1837). Значительную часть этого текста (100 страниц из 230) составляет описание новейших систем немецкой философии. Особенность построения Надежина — Рейнгольда заключается в объединении Возрождения со схоластикой в некое движение «пробуждения философии». При этом Ф. Бэкон не относится к «новым системам», а объединяется с итальянскими натурфилософами Бруно, Телезио и Кампанеллой. В XVII веке акценты сделаны на системах Декарта, Спинозы, Лейбница, Локка, тогда как Беркли и Юм кратко упомянуты и объединены с другими философами, «развивающими Локка» (Кондильяком, Бонне, Шефтсбери, Хатчесоном).

Поскольку работы Галича, Давыдова, Надежина представляют собой изложения довольно краткие, особое внимание следует обратить на полноценную 6-томную «Историю философии» на русском языке, которая была опубликована в 1839–40 годах¹⁷ казанским преподавателем философских и богословских предметов архимандритом Гавриилом Воскресенским.

Как нам удалось установить в ходе написания этой статьи, труд архимандрита Гавриила в части изложения европейской истории философии сложно назвать оригинальным. Обычно указывается, что в составлении своей истории философии архимандрит Гавриил опирался на немецкие работы Теннеманна, Риттера и др. (см. Ванчугов, 2015; Ганиянц, 1996). Однако вовсе не немецкие образцы были для него основой. В своем построении и в основном содержании первые четыре тома «Истории философии» являются частичным переводом с французского «Histoire

¹⁷Разрешение на печать было дано в конце декабря 1838 года. Первый том выходит в 1839 году, но на нем стоит пометка «издание второе, с переменами». Видимо, под «первым изданием» понимается текст, опубликованный в Ученых записках.

abrégée de la philosophie ancienne et moderne» Селестена Иппо¹⁸ (Hirreau, 1833), которая, в свою очередь, в части принципов классификации философских систем опирается на историографические идеи Виктора Кузена, а в части содержания — на историю философии Теннеманна.

Про Селестена Иппо как философа известно мало. Он родился в 1803 году, с 1820 преподавал латынь, французский, английский в разных школах (коллежах) Франции, основал в Париже Школу прикладных наук. В 1833 году получил степень доктора философии, но не прошел экзамен агрегации, поэтому не мог получить место преподавателя философии в лицее. Тем не менее с 1844 г. преподавал языки и литературу в университетах Страсбурга и Кана. После отставки в 1868 году он занимался вопросами организации образования в разных странах, написал отчеты о системе образования в США, Италии, Нидерландах, России и других странах (Dubois, 2002).

Профессиональным историком философии он не был, но в 1833 году он опубликовал упомянутую выше «Краткую историю древней и современной философии», которая была основой для его докторской диссертации на тему «О методе изложения систем философии» («De la méthode à employer dans l'exposition des systèmes de philosophie», 1833).

Тезисы диссертации были опубликованы брошюрой объемом 8 страниц (см. Mourier, Deltour, 1869: 49–50). Их основное содержание соответствует методологическому разделу его книги:

- (1) В истории философии должно быть представлено исключительно развитие способностей, которые содержатся в душе каждого индивида: чувств, разума и воли.
- (2) В этом исследовании должен быть использован картезианский метод, то есть психологический анализ, но без применения его к систематической и спекулятивной цели.
- (3) Сенсуализм, идеализм, скептицизм и мистицизм, поскольку имеют своим источником исключительное развитие одной из способностей души, обязательно содержат в себе какую-то часть истины.
- (4) Объединение экспериментального и спекулятивного метода может привести к удовлетворительному результату.
- (5) В изложении систем нужно следовать тому же порядку, в котором они развивались.

¹⁸На заимствованный характер работы архим. Гавриила указывал в своей рецензии 1842 года уже О. Новицкий (см. Шпет, 2008: 151–152), хотя он и не называл французский источник этого текста.

(6) Следует показывать их связность, зависимость и взаимное влияние.

(7) Поскольку Восток был прежде всего символическим и мифическим, историю философии следует начинать с Греции.

Примером изложения истории философии по этой методологии и является книга Иппо «Краткая история древней и современной философии».

С точки зрения организации материала и построения нарратива, раскрывающего логику развития философских систем, Иппо опирается на четырехчастную схему, которая была предложена Виктором Кузеном в лекциях по истории философии 1828–29 года. Модель истории философии Кузена основывалась на выделении четырех «элементарных систем»: сенсуализма, идеализма, скептицизма, мистицизма. Кузен показывает, что типология философских систем коренится в природе человека, поэтому возможных типов философии всего четыре. Вначале человеческая мысль пробуждается от соприкосновения с внешним миром, и это порождает *сенсуализм*. Эта философия благоприятствует развитию естественных наук, но в дальнейшем приводит к материализму и фатализму, поскольку мир чувственных ощущений и внешних явлений, который она нам открывает, оказывается неподконтрольным нашему духу. Тогда человек обращает внимание на свой внутренний мир и открывает содержание мысли, которое не может быть выведено из чувственного опыта: понятия единства, причины, пространства и времени, нравственного долга и др. Так возникает *идеализм*. Однако увлеченный идеализмом человек быстро отрывается от реальности и запутывается в абстракциях: «идеализм, идя от одной отвлеченности к другой, от

Deuxième époque. — Depuis Bacon et Descartes jusqu'à Kant. (Commencement du 17e siècle, jusque vers le milieu du 18e.)

Indépendance absolue de la philosophie. — Création d'une méthode scientifique.

RÉSUMÉ GÉNÉRAL.

SENSUALISME.

Bacon.	mort en 1626	Locke.	m. 1704
Gassendi.	m. 1655	Dodwell.	m. 1711
Senart.	m. 1637	Collin.	m. 1759
Bérigard.	m. 1663	Mandeville.	m. 1751
Magnifus.		Boulainvilliers.	m. 1752
Hobbes.	m. 1680	SGravesande.	
Larochefoucault.	m. 1680	Hartley.	m. 1756
Puffendorf.	m. 1694		

ÉCOLE IDÉALISTE.

Descartes.	m. 1650	Mallebranche.	m. 1715
Genina.	m. 1659	Spinoza.	m. 1715
Herbert de Cherbury.	m. 1633	Leibniz.	m. 1716
Gudworth.	m. 1698	Wolf.	m. 1754
Grolius.	m. 1645	Thomasius.	m. 1728
Shaftesbury.	m. 1646	Wollaston.	m. 1724
T. Gale.	m. 1677	S. Clarke.	m. 1729
Nicolet.	m. 1695	Tchirnhausen.	m. 1728
Arnould.	m. 1664	Berkeley.	m. 1753
Bossuet.	m. 1704	Fardella.	m. 1718
Camberland.	m. 1719	Vico.	m. 1744

SCÉPTICISME.

Glauvill.	m. 1680	Huet.	m. 1721
Sorbière.	m. 1670	Pascal.	m. 1662
Bayle.	m. 1706	Hirnbain.	m. 1679
Foucher.	m. 1666		

390

PHILOSOPHIE MODERNE.

MYSTICISME.

Podarge.	m. 1698	H. Morus.	m. 1687
Mercurius Vanhelmont.	m. 1699	Amos.	m. 1671
Marcus Marci.	m. 1696	Polret.	m. 1719

Рис. 1

гипотез к гипотезам, в свою очередь нисходит до нелепости» (Кузен, 1829: 247). Тогда на арену борьбы двух догматических систем выходит *скептицизм*, который ставит под сомнение всякую возможность постигнуть истину. Желая все же обрести истину, человеческий дух, гонимый скептицизмом, обращается к другим духовным источникам познания, пытаясь обрести покой в *мистицизме*. Таким образом, включает Кузен,

Вторая Эпоха: оть Векона и Декарта до Канта съ начала XVII до половины XVIII вѣка.

81

Совершенная низащисимость философиц; изобретение ученаго Метода.

§ 97.

ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Сенсуализмъ.

Яковъ — — — — — 1656.	Жюль — — — — — 1706.
Гассендей — — — — — 1656.	Дюваль — — — — — 1711.
Сенарть — — — — — 1667.	Коланъ — — — — — 1739.
Бернгардъ — — — — — 1682.	Мандилья — — — — — 1711.
Магнень — — — — — —	Буэнвиллеръ — — — — — 1752.
Губбесъ — — — — — 1680.	Гравесондъ — — — — — —
Ларонжуко — — — — — 1680.	Гертлей — — — — — 1733.
Пувендоръ — — — — — 1674.	

ШКОЛА ИДЕАЛИСТОВЪ.

Декартъ — — — — — 1640.	Малебраншъ — — — — — 1714.
Геллинсъ — — — — — 1649.	Спиноза — — — — — 1718.
Гербертъ Шербускій — — — — — 1648.	Лейбницъ — — — — — 1716.
Жульорть — — — — — 1648.	Вольей — — — — — 1744.
Гронцій — — — — — 1645.	Томасій — — — — — 1738.
Шваестубри — — — — — 1642.	Волластонъ — — — — — 1724.
Т. Гаазъ — — — — — 1677.	Кларкъ — — — — — 1724.
Нисколай — — — — — 1684.	Чернгузенъ — — — — — 1709.
Арнольдъ — — — — — 1694.	Берклей — — — — — 1704.
Боссегадъ — — — — — 1704.	Фарделла — — — — — 1718.
Кумберландъ — — — — — 1718.	Вико — — — — — 1744.

СКЕПТИЦИЗМЪ.

Гданваль — — — — — 1660.	Гуэтъ — — — — — 1721.
Сорбй — — — — — 1670.	Наскадъ — — — — — 1662.
Вала — — — — — 1704.	Гиргансъ — — — — — 1679.
Фушеръ — — — — — 1698.	

МИСТИЦИЗМЪ.

Пордечъ — — — — — 1628.	Г. Меруосъ — — — — — 1689.
Меркурій Вангальмонъ — — — — — 1693.	Амосъ — — — — — 1671.
Марсъ Маронъ — — — — — 1678.	Позретаъ — — — — — 1718.

Рис. 2

гипотез к гипотезам, в свою очередь нисходит до нелепости» (Кузен, 1829: 247). Тогда на арену борьбы двух догматических систем выходит *скептицизм*, который ставит под сомнение всякую возможность постигнуть истину. Желая все же обрести истину, человеческий дух, гонимый скептицизмом, обращается к другим духовным источникам познания, пытаясь обрести покой в *мистицизме*. Таким образом, включает Кузен,

сенсуализм, идеализм, скептицизм, мистицизм суть четыре отрасли философии. Можно соединить между собою сии различные начала, смешать их в разных пропорциях; но создать другие невозможно (там же: 250).

Однако ни одно из этих воплощений философии не обладает полнотой истины, поэтому мы должны ожидать появления пятой системы, которая попытается очистить предыдущие учения от заблуждения и вобрать в себя то, что в них было истинного, — так должна быть создана философия эклектизма, представителем которой заявляет себя Кузен.

Именно эта схема развития философии является стержнем исто-

¹⁹Таблицы с классификациями философов по этим направлениям даны у С. Инпо и архим. Гавриила в начале каждой главы. Будучи совершенно идентичными, они и позволили установить источник текста Гавриила. См. рисунки 1 и 2.

которые, во всякую эпоху, разделяется область философского познания» (Nirreau, 1833: 386–387; ср. архим. Гавриил, 1839b: 79). В своих методологических правилах Иппо подчеркивает, что эти четыре основные системы философии имеют основание в природе человеческого духа, а историческая последовательность смены разных систем полностью соответствует порядку развития человеческих способностей (Nirreau, 1833: 18; ср. Архим. Гавриил, 1839a: 18):

Если в человеке чувственные идеи предшествуют идеям рассудочным, если задолго до того, как стать объектом своей рефлексии, человек обеспокоен в первую очередь взаимодействием с внешним миром, то несомненно и в истории системы, которые основаны на сенсуализме, должны предшествовать системам, которые вдохновляются идеализмом. И если еще психологией доказано, что человеческая душа начинает не с сомнения или рефлексии, а со спонтанной веры в реальность явлений, которые она наблюдает или которые порождает, то историк должен с необходимостью прийти к выводу, что только после споров, порожденных борьбой систем идеализма и материализма, на сцену выходят скептицизм и мистицизм.

Таким образом, Иппо наследует от Кузена — на которого, впрочем, явно ссылается (Nirreau, 1833: 17) — не только способ деления философских систем на четыре рода, но и схему исторической смены этих систем, когда во все времена философия проявляется сначала в виде развития догматических учений, основанных на свидетельстве чувств или разума, а затем — в виде реакции на догматические заблуждения в форме скептицизма или мистицизма. Как следствие, Иппо каждый раздел своего изложения предваряет таблицей, в которой все упомянутые авторы отнесены к сенсуалистам / материалистам, идеалистам, скептикам и мистикам. Подобная схема прослеживается и в последующем изложении и представлении материала.

Архимандрит Гавриил берет в качестве основы структуру и организацию материала, которые содержатся в тексте Иппо. Основные разделы истории западной философии излагаются им в первых четырех томах (пятый том посвящен восточной философии, а шестой — отечественной). Следуя стандартному хронологическому делению истории философии, описанному Иппо, архим. Гавриил также выделяет в истории философии три периода: древность, средние века и новую историю. Первый период, которому посвящен первый том и половина второго тома, охватывает греческую и римскую философию. Второй период, которому посвящены всего 67 страниц второго тома, включает в себя схоластическую и арабскую философию средних веков. А третий период, эпоха

новой философии, представлен в третьем и четвертом томе. Эти первые четыре тома соответствуют одному 600-страничному тому истории философии Селестена Иппо.

Значительная часть содержания первых четырех томов «Истории философии» архим. Гавриила представляет собой перевод истории философии Селестена Иппо, но некоторые части оригинального текста опущены или сокращены, а также присутствуют и достаточно обширные самостоятельные вставки. Покажем это на примере введения. Первые три параграфа текста архим. Гавриила, которые посвящены определению истории философии, ее «веществу» и вспомогательным источникам, являются оригинальными. Четвертый параграф (Архим. Гавриил, 1839а: 4–7) — перевод части введения Иппо (Hirreac, 1833: 3–7) с небольшими купюрами и неточностями. Пятый параграф, про метод истории философии, опять является самостоятельной вставкой. Далее идет довольно обширный параграф 6 (Архим. Гавриил, 1839а: 9–22), где представлены методологические правила, которые составляли суть диссертации Иппо о методе изложения истории философии. Большая часть этого текста совпадает с изложением Иппо (Hirreac, 1833: 7–23), однако некоторые формулировки правил модифицированы, полностью убраны все упоминания картезианского метода, убрана также ссылка на Кузена, но добавлена большая вставка про историков философии (Архим. Гавриил, 1839а: 11–14), а также пункт 8 про всемогущество историка философии. После этого добавлен оригинальный параграф 7 про достоинство истории философии (там же: 22–24). Описание хронологического деления истории философии и основного содержания разделов опять полностью взято у Иппо (§§8–11, там же: 24–31). После этого представлена обширная библиографическая вставка (там же: 31–42), написанная архим. Гавриилом самостоятельно.

Подобная картина наблюдается и в дальнейшем. Вся основная структура, последовательность и список рассматриваемых авторов почти полностью копируются из текста Иппо. Значительная часть содержания тоже переводится из Иппо, но изложения учений отдельных философов может быть сокращено или дополнено в зависимости от значимости рассматриваемого персонажа.

Что касается изложения истории философии интересующего нас периода, начала Нового времени, то архим. Гавриил / Иппо делят его на две эпохи. Первая эпоха охватывает XV–XVI века и обозначается как «возобновление древних систем, самостоятельные опыты без правильного порядка» (архим. Гавриил, 1839b: 3). К упомянутым системам

будут относиться платоники (Фичино, Николай Кузанский, Рамю, Патрици), перипатетики (Помпонаци, Кремонини, Цезальпини, Ванини), стоики (Липсий), скептики (Монтень, Ла Бюес, Харон, Санчес), авторы оригинальных попыток обновления философии (Бруно, Телезио, Кампанелла), мистики и каббалисты (Рейхлин, Агриппа, Парацельс, Кардано, Беме).

Вторая эпоха простирается от Бэкона и Декарта до Канта, и она связана с совершенно независимыми философиями и изобретением научного метода. В рамках этого периода более отчетливо проявляются те четыре формы философии, о которых было упомянуто ранее. Новая философия была начата Бэконом и Декартом. Бэкон подспудно вводит сенсуализм, поскольку он отдает приоритет познанию природы, а все знание выводит из опыта. После Бэкона эти зародыши сенсуализма раскрываются Гассенди и Гоббсом, а позднее развивается сенсуалистическая психология Локка и Кондильяка. Декарт поначалу следует путем Бэкона, его правила метода имеют близкие соответствия в бэконовской методологии, но только Бэкон изучает природу, а Декарт обращает этот инструмент на познание души, тем самым открывая путь идеализму. Идеализм Декарта проявляется в том, что он постулирует врожденные идеи, после чего развитие идет двумя путями: сенсуалисты, последователи Локка, исходят из чувственного опыта, а поэтому отвергают врожденные идеи; а те, кто признает врожденные идеи, отвергают свидетельства чувств. Такими были Спиноза и Мальбранш. Лейбниц же выступает как философ, который соединяет в своей теории учения идеализма и сенсуализма.

Скептицизм появляется в результате борьбы двух догматических систем — сенсуализма и идеализма. Среди скептиков названы Бейль, Гланвиль, Франсуа Ла Мот ле Вайе, Иероним Гирнгайм, епископ аврантийский Гуэций (Пьер Даниэль Юэ), Паскаль. Мистицизм же нового времени представлен как радикализированный вид скептицизма, когда всякое познание признается невозможным. К числу мистиков относятся Меркурий ван Гельмонт, Ян Амос Каменский, Генри Мор, Иоанн Пордейдж, Пьер Пуаре, Сведенборг.

Как мы видим, во многих деталях этот нарратив схож с другими описаниями истории философии Раннего Нового времени, которые тогда были в ходу: во-первых, присутствует различие двух эпох: периода восстановления старых систем и периода создания новых; во-вторых, начало новой философии полагается в Бэконе и Декарте, которые символизируют философию, основанную на опыте и на умозрении; в-третьих,

среди прочих новаторов европейской философии XVII века указаны Лейбниц, Спиноза, Локк, но также Гоббс, Гассенди, Мальбранш, Беркли²⁰. Однако необходимость добавить к догматическим системам также скептицизм и мистицизм позволяет перенести рассмотрение части мыслителей, которые ранее относились к «восстановленным системам», на более позднее время, в большей степени соответствующее их действительной исторической позиции.

Осталась одна деталь, которую мне хотелось бы добавить к этому анализу. Все, что было до сих пор сказано про «Историю философии» архимандрита Гавриила, относилось на самом деле к его прототипу. И это не позволяет пока нам увидеть в этом тексте ту традицию преподавания истории философии, которая складывается к этому времени в России: это не в Московской духовной семинарии научили автора выделять четыре направления философии или утверждать, что истинная религиозность нуждается в свободе мысли. Однако некоторые особенности текста архимандрита Гавриила позволяют нам все же сделать выводы о том, какие философы были в особом почете в российских учебных заведениях. Это связано с тем, что Гавриил не просто переводит Иппо, но местами делает существенные добавления. Выделив тех философов, в изложении чьих учений Гавриил начинает отступать от своего источника, мы можем понять, какие авторы были в большей степени знакомы Гавриилу.

Для начала следует обратить внимание, что архимандрит Гавриил существенно расширяет повествование Иппо в том, что касается политических и моральных мыслителей: он добавляет раздел про Гуго Гроция, уточняет изложение Пуффендорфа, Шефтсбери, Мандевиля, Уолластона и др. Это можно объяснить тем, что ему приходилось преподавать дисциплины, связанные с философией права, поэтому эти авторы были ему хорошо знакомы. Первое самое существенное добавление, относящееся к философам Нового времени, затрагивает Джордано Бруно: архимандрит Гавриил добавляет целых 20 страниц тезисного изложения основных положений учения Бруно в виде пересказа частей из его диалога «О причине, начале и едином». Другие модификации касаются Бэкона, Декарта, Локка, Спинозы, Мальбранша, Лейбница. Также расширены части про Беркли и Юма.

²⁰Беркли не посвящен отдельный параграф, он описан среди других представителей британской философии.

Раздел, в котором описывается философия Фрэнсиса Бэкона, содержит перевод текста Иппо (архим. Гавриил, 1839b: 83–90; Нирреау, 1833: 393–403), но к нему добавлен первый абзац с дополнительными биографическими деталями, а также обширная вставка на 15 страниц с более детальным описанием учения Бэкона об идолах, об индукции и о классификации наук (архим. Гавриил, 1839b: 90–105). В конце добавлен параграф, в котором проводится сравнение Бэкона с Платоном, — эта часть по смыслу совпадает с некоторыми частями эссе о Бэконе Томаса Маколея, которое было опубликовано на английском языке только в 1837 году (Macauley, 1837).

Раздел про Декарта в большей части является переводом из Иппо (архим. Гавриил, 1839b: 105–120; Нирреау, 1833: 404–418), но в него добавлена вставка на три страницы, в которой кратко описывается учение Декарта о божественных действиях, о животных, о душе и нравственности (архим. Гавриил, 1839b: 113–116). Примечательно, что в этом отрывке Декарт последовательно называется «Картезием».

Модификации, которые касаются изложения учения Локка (там же: 133–141; Нирреау, 1833: 431–439), не являются очень существенными: в текст добавлена вставка примерно на одну страницу (архим. Гавриил, 1839b: 134–136) с некоторыми положениями из учения Локка о познании.

Более примечательно обращение архимандрита Гавриила со Спинозой (там же: 143–151). Этот раздел в меньшей степени является прямым переводом текста Иппо, его содержание значительно модифицировано и расширено. Довольно невнятное изложение положений философского учения Спинозы перемежаются с жесткой критикой «брёден» философа. Собственная позиция Гавриила выделена курсивом в конце каждого абзаца, и в этих примечаниях он указывает на необоснованность слишком большого сближения Бога с творением и на недостатки учения Спинозы о совершенстве, причине самого себя и свободе. «Так по пристрастию к единопоследовательности люди впадают в ложные заключения!» (там же: 145) Примечательно, что такое негативное отношение к Спинозе соседствует у архим. Гавриила с достаточно позитивным взглядом на философское учение Джордано Бруно, которое он также более детально анализирует, чем это делает Иппо.

Изложение учения Мальбранша (впрочем, само по себе достаточно краткое) значительно расширено по сравнению с текстом Иппо (там же: 151–159; Нирреау, 1833: 447–453). Один абзац на полторы страницы из текста Иппо был в тексте архимандрита Гавриила заменен более длинным отрывком, в котором изложена работа Мальбранша «Разыскания

истины» (архим. Гавриил, 1839b: 153–157). Кроме этого, архим. Гавриил вставил в конце одного параграфа указание, что теория Мальбранша противоречит опыту, а в конце добавил абзац про то, что философия Мальбранша заоблачна и таинственна (там же: 159).

Изложение философии Беркли не составляет отдельной части ни в труде Иппо, ни в тексте архим. Гавриила. Беркли рассматривается наряду с другими английскими авторами при анализе интеллектуального противостояния последователей Декарта и Локка в начале XVIII века (там же: 161–170; Нирреау, 1833: 455–459). Тем не менее архим. Гавриил уделяет ему несколько больше внимания, чем Иппо, расширяя анализ его философии с полутора до четырех страниц.

Раздел, посвященный Лейбницу, является достаточно объемным у обоих авторов (архим. Гавриил, 1839b: 170–190; Нирреау, 1833: 459–476), однако текстуальные совпадения между ними только частичные. Если Иппо больший акцент делает на учении о монадах, предустановленной гармонии и критике сенсуализма Локка, то архим. Гавриил выделяет у Лейбница учение о силах и энергиях, диалектику, монадологию, «оптимизм» (предустановленную гармонию) и теодицею.

В том же, что касается Юма, достаточно краткое изложение Иппо вновь значительным образом дополнено (Архим. Гавриил, 1839c: 29–41; Нирреау, 1833: 525–529). На этот раз архимандрита Гавриила особенно интересует учение Юма о естественной религии, о чудесах, о бессмертии души и о нравственности (Архим. Гавриил, 1839c: 32–41). И как прежде было с изложением философии Спинозы, он перемежает положения философии Юма своими комментариями, порой довольно эмоциональным. Отношение архимандрита Гавриила к Юму становится понятно из его финальных заключений о том, что скептицизм последнего был продиктован его страхом посмертного наказания, поэтому он старался показать религию как выдумку духовных лиц — с чем, конечно, православный философ и богослов согласиться не мог.

Таким образом, в тех авторах, которые были своеобразно изложены архимандритом Гавриилом в его тексте, мы видим, по сути, традиционный канон истории философии XVII–XVIII веков, который уже в первой половине XIX века был хорошо знаком тем, кто получал философское образование в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы произвели обзор ключевых текстов учебной литературы, которые могут служить отражением ситуации с преподаванием истории

новоевропейской философии в светских и духовных учебных заведениях России первой половины XIX века. На этом основании мы можем сделать несколько выводов.

1. Принятый в первой половине XIX в. образ становления европейской философии Нового времени имеет определенные консистентные черты. Традиционным является деление хронологии на две эпохи: период восстановления древних учений (XV–XVI вв.) и период появления новых оригинальных систем (XVII век и далее). В первый период наблюдается пролиферация школ (сект), большая часть которых может быть сведена к древним философским учениям (платоникам, перипатетикам, стоикам и пр.), но некоторые движения мысли (к ним обычно относят с разными вариациями итальянских натурфилософов Телезио, Бруно, Кардано, Кампанеллу) объявляются оригинальными и новаторскими, при этом заметно особое внимание к философии Бруно. Второй период принято начинать с Бэкона и Декарта, которые ассоциируются, соответственно, с опытной и умозрительной философией — здесь уже прорисовываются контуры зарождающегося «стандартного нарратива». Движение мысли в этот период является более линейным, его можно свести к противоборству ограниченного количества позиций (от двух до четырех). Особый акцент ставится на таких авторах, как Декарт, Локк, Лейбниц. Традиционным является включение в рассмотрение Спинозы, Мальбранша, Гассенди, Конлильяка. Беркли и Юм также стандартно упоминаются, но зачастую наряду с иными «последователями» идеализма, скептицизма или локковского сенсуализма.

2. Достаточно высокое согласие, которое существует в том, кто должен упоминаться среди главных философов XVII века, позволяет отметить, что мы уже на этом этапе имеем дело с «жестким каноном». При этом бросается в глаза отсутствие согласованности в том, каким образом движение мысли XVII века должно быть представлено: как борьба различных систем (опытной и умозрительной), как развитие учений нескольких главных авторов (Декарта, Лейбница, Локка) или как необходимая смена основных форм философии (сенсуализма, идеализма, скептицизма и мистицизма). Если главные философы уже известны, то связный рассказ об их истории еще должен сложиться.

3. В этом многообразии нарративов нельзя выделить главенствующее влияние немецкой традиции. Хотя многие авторы начала XIX в. так или иначе ориентируются на Теннемана, пример «Истории философии» архим. Гавриила показывает, что нельзя сбрасывать со счетов и французское влияние. Нарратив, созданный Виктором Кузеном, неожиданно

и анонимно проникает в университетские аудитории. И его дальнейшее существование и распространение в российской историографии философии должны стать предметом особого рассмотрения.

В заключение отметим, что немногочисленные русскоязычные учебники и руководства по истории философии первой половины XIX века дают нам только приблизительное представление о том, что происходило в учебных аудиториях и какой образ истории философии предлагался студентам. Гораздо более богатый материал предоставляет нам последующее время, от которого сохранились не только оригинальные и переводные русскоязычные тексты, но и конспекты лекций, читавшихся в аудиториях. Если же говорить о конце XVIII века и начале XIX, то нужно учитывать, что в преподавании использовалась не только русскоязычная литература, но и изложения на французском, немецком и даже латыни. Впрочем, пример того, как архимандрит Гавриил, с одной стороны, копирует основную схему истории философии из французского учебника, а с другой стороны, крайне эмоционально и даже с отвращением реагирует на некоторые разделы содержания, которое вынужден воспроизводить, показывает нам, какой внутренней борьбой сопровождалось восприятие европейских образцов историко-философской мысли. Таким образом, формирующаяся историко-философская традиция уже требовала подчинения определенным стандартам изложения материала, и они приобретали форму «жесткого канона», содержание которого может критиковаться, но не пересматриваться. Примечательно, что именно архим. Гавриил Воскресенский и сделал первый шаг к разрушению вненациональной универсальности этого канона, выведя на арену мировой истории философии национальную философскую мысль России.

ЛИТЕРАТУРА

- Архимандрит Гавриил [Воскресенский В. Н.]* История философии. В 6 т. Т. 1. — Казань : Университетская типография, 1839а.
- Архимандрит Гавриил [Воскресенский В. Н.]* История философии. В 6 т. Т. 2. — Казань : Университетская типография, 1839б.
- Архимандрит Гавриил [Воскресенский В. Н.]* История философии. В 6 т. Т. 4. — Казань : Университетская типография, 1839с.
- Блум Г.* Западный канон. Книжки и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонов. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Ванчугов В. В.* Первый историк русской философии : архимандрит Гавриил и его время. — М. : Мир философии, 2015.

- Вахштайн В. С.* «Неудобная» классика : творческое наследие Ирвинга Гофмана // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полегаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 64–101.
- Галич А. И.* История философских систем по иностранным руководствам составленная. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Типография М. Иверсена, 1818.
- Ганиянц М. В.* Российское любомудрие в первой половине XIX века : философия и история философии в университетах и духовных академиях : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ганиянц М. В. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1996.
- Гронас М.* Диссensus : война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов / Горький Медиа. — 2001. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/5/dissensus.html> (дата обр. 25 февр. 2022).
- Давыдов И. И.* Опыт руководства к истории философии. Для благородных воспитанников университетского пансиона. — М. : Университетская типография, 1820.
- Демин М. Р.* Как Гегель вышел в классики : к исследованию канона немецкого идеализма // Южный Полос. Исследования по истории современной западной философии. — 2015. — № 1. — С. 14–31.
- Демин М. Р., Курприянов А. В.* Доминанты, субдоминанты и рецеденты : формальный анализ изменений канона истории немецкой философии в XIX веке // Логос. — 2020. — Т. 30, № 6. — С. 173–203.
- Зенкин С. Н.* Гуманитарная классика : между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полегаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 281–293.
- История философии : учебник для вузов / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Бугая.* — М. : Академический Проект, 2005.
- Каменский З. А. А. И. Галич.* — М. : Институт философии РАН, 1995.
- Каменский З. А.* История философии как наука в России XIX–XX вв. — М. : Издательство «Эслан», 2001.
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полегаева.* — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Кузен В.* О главных родах систем философских // Атеней. — 1829. — № 3. — С. 240–252.
- Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века : киевская и петербургская школы (Новые материалы). — М. : Институт философии РАН, 2005.
- Надежин Ф. С.* Очерк истории философии по Рейнгольду. — СПб. : Типография департамента внешней торговли, 1837.
- Посохова Л.* Православные коллегиумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) между традициями и новациями // Ab Imperio. — 2010. — № 3. — С. 85–112.

- Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России : идеи, персоналии, основные центры. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2003.
- Соколов В. В.* Европейская философия XV–XVII веков : учебное пособие для философских факультетов университетов. — М. : Высшая школа, 1984.
- Филитов А. Ф.* Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009. — С. 50–63.
- Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Т. 1 / под ред. Т. Г. Шедриной. — М. : РОСПЭН, 2008.
- Adamson P.* Filling the Gaps : Expanding the Canon in the History of Philosophy / Blog of the APA. — 2016. — URL: <http://blog.apaonline.org/2016/03/09/filling-the-gaps-expanding-the-canon-in-the-history-of-philosophy/> (visited on Jan. 31, 2022).
- Baehr P.* Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage. — New Brunswick & London : Transactions Publishers, 2002.
- Casement W.* The Great Canon Controversy : The Battle of the Books in Higher Education. — New Brunswick & London : Transactions Publishers, 1996.
- Degerando J. M.* Histoire comparée des systèmes de philosophie, relativement aux principes des connaissances humaines. En 3 t. Т. 1. — Paris : Henrichs, 1804.
- Demin M., Koupryanov A.* Studying Kanonbildung : An Exercise in a Distant Reading of Contemporary Self-Descriptions of the 19th Century German Philosophy // Social Epistemology. — 2018. — Vol. 32, no. 2. — P. 112–127.
- Dubois P.* Hippeau (C.) [note biographique] // Le dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire de Ferdinand Buisson : Répertoire biographique des auteurs / P. Dubois, A. Bruter. — Paris : Publications de l'Institut national de recherche pédagogique, 2002. — P. 76.
- Early Modern Philosophy. An Anthology / ed. by L. Shapiro, M. P. Lascano. — Peterborough & Ontario : Broadview Press, 2021.
- Hippeau C.* Histoire abrégée de la philosophie ancienne et moderne. — Paris : Hachette, 1833.
- Kuklick B.* Seven Thinkers and How They Grew : Descartes, Spinoza, Leibniz; Locke, Berkeley, Hume; Kant // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. — Cambridge & New York & Melbourne : Cambridge University Press, 1984. — P. 125–140.
- Kusch M.* The Sociology of Philosophical Canons : The Case of Georg Simmel / Academia. — 2018. — URL: https://www.academia.edu/49977370/The_Sociology_of_Philosophical_Canons_The_Case_of_Georg_Simmel (visited on Nov. 16, 2021).
- Lenz M.* The Purpose of the Canon / Handling Ideas. — 2018. — URL: <https://handlingideas.blog/2018/08/14/the-purpose-of-the-canon/> (visited on Jan. 31, 2022).

- Macaulay T. B.* Lord Bacon // *Edinburgh Review*. — 1837. — Vol. 66, no. 132. — P. 1–103.
- Mourier A., Deltour F.* Notice sur le doctorat es lettres suivir du catalogue et de l'analyse des theses latines et franaises. — Paris : J. Delalain et Fils, 1869.
- Phillips K. G.* Non-Canonical Texts and Teaching the History of Modern Philosophy : Why We Might as Well Go Ahead and Abandon the Survey / Blog of the APA. — 2018. — URL: <https://blog.apaonline.org/2017/01/31/non-canonical-texts-and-teaching-the-history-of-modern-philosophy-why-we-might-as-well-go-ahead-and-abandon-the-survey-part-1/> (visited on Jan. 31, 2022).
- Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. — Cambridge & New York & Melbourne : Cambridge University Press, 1984.
- Rorty R.* The Historiography of Philosophy : Four Genres // *Philosophy in History* / ed. by R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. — Cambridge & New York & Melbourne : Cambridge University Press, 1984. — P. 49–76.
- Shapiro L.* Revisiting the Early Modern Philosophical Canon // *Journal of the American Philosophical Association*. — 2016. — Vol. 2, no. 3. — P. 365–383.
- Ten Neglected Classics of Philosophy / ed. by E. Schliesser. — New York : Oxford University Press, 2017.
- Vanzo A.* Empiricism and Rationalism in Nineteenth-Century Histories of Philosophy // *Journal of the History of Ideas*. — 2016. — Vol. 77, no. 2. — P. 253–282.

Drozдова, D. N. 2022. "Istoriya filosofii Rannego Novogo vremeni v Rossii [The History of Early Modern Philosophy in Russia]: kazus Arkhimandrita Gavriila [The Case of Archimandrite Gabriel]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 151–183.

DAR'YA DROZDOVA

PHD IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-5069-3368

THE HISTORY OF EARLY MODERN PHILOSOPHY IN RUSSIA

THE CASE OF ARCHIMANDRITE GABRIEL

Submitted: Jan. 27, 2022. Reviewed: Feb. 08, 2022. Accepted: Feb. 17, 2022.

Abstract: This article is the first part of a study analyzing the formation and transformation of the canon of Early modern philosophy in Russian-language philosophical literature. The canon of Early modern philosophy was fixed in European and American textbooks on the history of philosophy at the end of the 19th century. It is based on the standard narrative about two main rival epistemological traditions, i. e. rationalism, represented by Descartes, Spinoza and Leibniz, and empiricism, represented by Locke, Berkeley and Hume. However, this account of the history of Early modern philosophy emerged in a confrontation of different historiographical traditions (Kantian, Hegelian, positivist, etc.), each of which offered its own

schemes for classifying and ordering the philosophical systems. Signs of this struggle can be found in the emerging 19th century Russian-language literature on the history of philosophy. This article aims to examine and analyze the narrative on Early Modern philosophy in Russian academic literature of the first half of the 19th century in order to identify prominent trends in the formation of the canon of Early Modern philosophy both from the point of view of its main representatives and from the point of view of the narrative. The focus of this paper is the "History of Philosophy" (1839–40) of Archimandrite Gavriil (Voskresensky), which turns out to be a transmitter of the French historiographical tradition of Victor Cousin to the Russian historiography of philosophy.

Keywords: History of Early Modern Philosophy, Narrative of History of Philosophy, Canon of Early Modern Philosophy, Archimandrite Gavriil Voskresensky, Victor Cousin, Celestin Hippeau.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-151-183.

REFERENCES

- Adamson, P. 2016. "Filling the Gaps: Expanding the Canon in the History of Philosophy." Blog of the APA. Accessed Jan. 31, 2022. <http://blog.apaonline.org/2016/03/09/filling-the-gaps-expanding-the-canon-in-the-history-of-philosophy/>.
- Archimandrite Gavriil [Voskresenskiy, V. N.] 1839a. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya filosofii [History of Philosophy]*. 6 vols. Kazan': Universitet-skaya tipografiya.
- . 1839b. [in Russian]. Vol. 2 of *Istoriya filosofii [History of Philosophy]*. 6 vols. Kazan': Universitet-skaya tipografiya.
- . 1839c. [in Russian]. Vol. 4 of *Istoriya filosofii [History of Philosophy]*. 6 vols. Kazan': Universitet-skaya tipografiya.
- Baehr, P. 2002. *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick & London: Transactions Publishers.
- Bloom, H. 2017. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen [The Western Canon. The Books and School of the Ages]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Kharitonov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Casement, W. 1996. *The Great Canon Controversy: The Battle of the Books in Higher Education*. New Brunswick & London: Transactions Publishers.
- Davydov, I. I. 1820. *Opyt rukovodstva k istorii filosofii. Dlya blagorodnykh vospitannikov universitet-skogo pansiona [Handbook for History of Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Degerando, J. M. 1804. [in French]. Vol. 1 of *Histoire comparée des systèmes de philosophie, relativement aux principes des connaissances humaines*. 3 vols. Paris: Henrichs.
- Demin, M. R. 2015. "Kak Gegel' vyshel v klassiki [How Hegel Became a Classic]: k issledovaniyu kanona nemetskogo idealizma [Study of the Canon of German Idealism]" [in Russian]. *Yuzhnyy Polys. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii [The South Pole. Study of History of Contemporary Western Philosophy]*, no. 1: 14–31.
- Demin, M. R., and A. V. Kupriyanov. 2020. "Dominanty, subdominanty i retsedenty [Dominants, Subdominants, and Recedents]: formal'nyy analiz izmeneniy kanona istorii nemetskoj filosofii v XIX veke [A Formal Analysis of Transformations in the Canonical Representation of 19th Century German Philosophy]" [in Russian]. *Logos [Logos]* 30 (6): 173–203.
- Demin, M., and A. Kouprianov. 2018. "Studying Kanonbildung: An Exercise in a Distant Reading of Contemporary Self-Descriptions of the 19th Century German Philosophy." *Social Epistemology* 32 (2): 112–127.

- Dubois, P. 2002. "Hippeau (C.) [note biographique]" [in French]. In *Le dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire de Ferdinand Buisson : Répertoire biographique des auteurs*, by P. Dubois and A. Bruter, 76. Paris: Publications de l'Institut national de recherche pédagogique.
- Filippov, A. F. 2009. "Ponyatiye i problema sotsiologicheskoy klassiki. Georg Zimmel' kak klassik sotsiologii [The Concept and Problem of Sociological Classics. Georg Simmel as a Classic of Sociology]" [in Russian]. In Savel'yeva and Poletayev 2009, 50–63.
- Galich, A. I. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya filosofskikh sistem po inostrannym rukovodstvam sostavlenneya [The History of Philosophical Systems According to Foreign Manuals Compiled]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. Iversena.
- Ganiyants, M. V. 1996. "Rossiyskoye lyubomudriye v pervoy polovine XIX veka [Russian Philosophy in the First Half of the XIX Century]: filosofiya i istoriya filosofii v universitetakh i dukhovnykh akademiakh [Philosophy and History of Philosophy in Universities and Theological Academies]" [in Russian]. PhD diss., Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova.
- Gronas, M. 2001. "Dissensus [The War for the Canon in the American Academy of the 1980s – 1990s]: vojna za kanon v amerikanskoj akademii 80-kh – 90-kh godov" [in Russian]. Gor'kiy Media. Accessed Feb. 25, 2022. <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/5/dissensus.html>.
- Hippeau, C. 1833. *Histoire abrégée de la philosophie ancienne et moderne* [in French]. Paris: Hachette.
- Kamenskiy, Z. A. 1995. *A. I. Galich* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- . 2001. *Istoriya filosofii kak nauka v Rossii XIX–XX vv. [History of Philosophy as Science in Russia in XIX–XX Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo "Eslan".
- Kuklick, B. 1984. "Seven Thinkers and How They Grew: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume; Kant." In Rorty, Schneewind, and Skinner 1984, 125–140.
- Kusch, M. 2018. "The Sociology of Philosophical Canons: The Case of Georg Simmel." *Academia*. Accessed Nov. 16, 2021. https://www.academia.edu/49977370/The_Sociology_of_Philosophical_Canons_The_Case_of_Georg_Simmel.
- Kutsenko, N. A. 2005. *Dukhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii pervoy poloviny XIX veka [Philosophy in Theological Academies in Russia of the First Half of XIX Centuries]: kiyevskaya i peterburgskaya shkoly (Novyye materialy) [Kiev and St. Petersburg Schools (New Materials)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Kuzen, V. 1829. "O glavnykh rodakh sistem filosofskikh [On Main Types of Philosophical Systems]" [in Russian]. *Ateney [Athenaeum]*, no. 3: 240–252.
- Lenz, M. 2018. "The Purpose of the Canon." *Handling Ideas*. Accessed Jan. 31, 2022. <https://handlingideas.blog/2018/08/14/the-purpose-of-the-canon/>.
- Macaulay, T. B. 1837. "Lord Bacon." *Edinburgh Review* 66 (132): 1–103.
- Mourier, A., and F. Deltour. 1869. *Notice sur le doctorat es lettres suivir du catalogue et de l'analyse des theses latines et françaises* [in French]. Paris: J. Delalain et Fils.
- Nadezhin, F. S. 1837. *Ocherk istorii filosofii po Reyngol'du [Outline of History of Philosophy According to Reingold]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya departamenta vneshney trgovli.
- Phillips, K. G. 2018. "Non-Canonical Texts and Teaching the History of Modern Philosophy: Why We Might as Well Go Ahead and Abandon the Survey." *Blog of the APA*. Accessed Jan. 31, 2022. <https://blog.apaonline.org/2017/01/31/non-canonical-texts-and-teaching-the-history-of-modern-philosophy-why-we-might-as-well-go-ahead-and-abandon-the-survey-part-i/>.

- Posokhova, L. 2010. "Pravoslavnyye kollegiumy Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [Orthodox Colleges in Russian Empire (Second Half of XVIII – Beginning of XIX Century)]: mezhdru traditsiyami i novatsiyami [Between Traditions and Innovations]" [in Russian]. *Ab Imperio [Ab Imperio]*, no. 3: 85–112.
- Pustarnakov, V. F. 2003. *Universitet'skaya filosofiya v Rossii [University Philosophy in Russia]: idei, personalii, osnovnyye tsentry [Ideas, Personalities, Main Centers]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo RKhGI.
- Rorty, R. 1984. "The Historiography of Philosophy: Four Genres." In Rorty, Schneewind, and Skinner 1984, 49–76.
- Rorty, R., J. B. Schneewind, and Q. Skinner, eds. 1984. *Philosophy in History*. Cambridge & New York & Melbourne: Cambridge University Press.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletayev, eds. 2009. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Schliesser, E., ed. 2017. *Ten Neglected Classics of Philosophy*. New York: Oxford University Press.
- Shapiro, L. 2016. "Revisiting the Early Modern Philosophical Canon." *Journal of the American Philosophical Association* 2 (3): 365–383.
- Shapiro, L., and M. P. Lascano, eds. 2021. *Early Modern Philosophy. An Anthology*. Peterborough & Ontario: Broadview Press.
- Shpet, G. G. 2008. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii [Outline of the Development of Russian Philosophy]* [in Russian]. Ed. by T. G. Shchedrina. Vol. 1. Moskva [Moscow]: RO-SP-EN.
- Sokolov, V. V. 1984. *Yevropeyskaya filosofiya XV–XVII vekov [European Philosophy of the XV–XVII Centuries]: uchebnoye posobiye dlya filosofskikh fakul'tetov universitetov [Textbook for Philosophical Faculties of Universities]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola.
- Vakhshayn, V. S. 2009. "'Neudobnaya' klassika ['Inconvenient' Classics]: tvorcheskoye naslediyе Irvinga Gofmana [The Creative Legacy of Irving Hoffman]" [in Russian]. In Savel'yeva and Poletayev 2009, 64–101.
- Vanchugov, V. V. 2015. *Pervyy istorik russkoy filosofii [The First Historian of Russian Philosophy]: arkhimandrit Gavriil i yego vremya [Father Gabriel and His Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mir filosofii.
- Vanzo, A. 2016. "Empiricism and Rationalism in Nineteenth-Century Histories of Philosophy." *Journal of the History of Ideas* 77 (2): 253–282.
- Vasil'yev, V. V., A. A. Krotov, and D. V. Bugay, eds. 2005. *Istoriya filosofii [History of Philosophy]: uchebnyk dlya vuzov [Textbook for Universities]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akademicheskii Proekt.
- Zenkin, S. N. 2009. "Gumanitarnaya klassika [Humanitarian Classics]: mezhdru naukoj i literaturoj [Between Science and Literature]" [in Russian]. In Savel'yeva and Poletayev 2009, 281–293.